

Когда размер имеет значение

Автор:

Надежда Волгина

Когда размер имеет значение

Надежда Волгина

Нарочно не придумаешь

Милана старалась жить по правилам. Постоянная работа, гражданский муж, успешно продвигающийся по карьерной лестнице, уютный дом... Но жить по правилам – еще не значит быть счастливой. Алексей жил, разрушая стереотипы, выбирая свой собственный путь. Ему казалось, что нашел свое место в жизни. Но одного любимого дела недостаточно для счастья. Она – его спящая красавица, а он... ему еще только предстоит кем-то стать для нее. Но для этого и ей, и ему нужно разобраться с прошлым и поверить в счастье. В оформлении обложки использованы фотографии с сайта shutterstock.

Глава 1

Лиза едва не упала, когда бежала с кухни с полным пакетом. Смешно так и неловко споткнулась о порог, больше испугавшись за пакет, что удерживала в руках, нежели за собственную сохранность. А ведь могла растянуться во весь рост и неслабо удариться.

– Ты забыл кости.

Она запыхалась, покраснелась, очки съехали набок. Небольшие, широко расставленные глаза близоруко щурились за толстыми стеклами. Алексей еле сдержал улыбку, так комично она выглядела. Но смеяться нельзя, это он знал точно. Если позволит себе хотя бы улыбнуться, она жутко обидится. Лиза порой

не понимает самого элементарного, из-за этого и скандалы рождаются на пустом месте. Ведь веселится он не потому, что хочет уколоть, а потому, что она вызывает в нем чувство умиления. В такие моменты она выглядит до ужаса слабой, и ему хочется ее защитить. Хотелось... до недавнего времени. И все равно, он не понимал ее стремления казаться сильной, когда на деле все выглядит с точностью до наоборот.

– Спасибо, – сказал он, перехватывая пакет. – «Тузики» будут тебе благодарны.

Как ни старался говорить серьезно, получалось не очень. Все же не сдержал улыбки, которая так и норовила растянуть губы.

– Издеваешься, да? – насупилась Лиза, чего он и опасался. В душе сразу же всколыхнулось что-то неприятное, похожее на разочарование с примесью злости. – А как бы ты с ними разбирался? Приучил уже... Да и кости жалко, чего добру пропадать?

Ну да. Вчера после приготовления холодца осталось много костей. Алексей и планировал взять их с собой. У него уже вошло в привычку подкармливать собак, «пасущихся» во дворе возле помойки. Лиза тут права – с «тузиками» пришлось бы разбираться, пойми они, что вышел он с пустыми руками. Сам виноват, избаловал. И все же, ее выговор и обвинения в забывчивости рождали раздражение. И даже пропала охота потешаться над нелепым видом девушки. Дурацкое отношение, Алексей понимал. Даже скорее предвзятость, с которой он ничего не мог поделать. Лучше все свести на нет и поскорее отправиться на работу. Тем более что он уже, кажется, опаздывал.

– Ладно, Лизунь, не дуйся. Я побежал, а то опаздываю... – Алексей чмокнул ее, куда попал, чем оказался нос, и скрылся за дверью.

Там он позволил себе перевести дух.

С Лизой они сошлись случайно чуть меньше года назад. Он подобрал ее на улице, в буквальном смысле слова. Она сидела и замерзала на лавочке в сквере, когда он проходил мимо. Куталась в тонких похувик, едва не плача. И это в почти тридцатиградусный мороз. Как он еще ее заметил вообще, занятый своими мыслями и не имеющий привычки смотреть по сторонам, разглядывать прохожих. Не иначе, как сама судьба вмешалась. Позже он выяснил, когда

привел беднягу к себе домой и отпоил водкой, что Лиза лишилась места в общежитии в связи с окончанием института. Ни родственников, ни друзей у нее в городе не оказалось. Зато имелась приличная работа в исследовательском институте, где она постеснялась рассказать о затруднениях с жильем. Наивно решила, что сможет коротать досуг на трескучем морозе. Святая постота.

На следующий день она слегла с сильнейшей простудой, а потом и проблема с жильем решила сама собой – Лиза осталась у Алексея. В последствии, размышляя над этим вопросом, он не стал понимать лучше, что тогда толкнуло его на такое решение, что заставило предложить ей остаться. Наверное, он просто устал жить один и понял, как приятно приходить домой, где чисто, все выстирано и наглажено... В конце концов, так живут почти все.

Вскоре Лиза поделила с Алексеем постель. Это тоже произошло как-то само собой и буднично, как будто по-другому и быть не могло. Так и получилось, что в двадцать восемь лет у заядлого холостяка появилось подобие семьи. Только вот сблизиться с ней не получалось, духовного родства не рождалось. Хорошая девушка и вроде к нему относится не плохо. И если бы еще так не обижалась на любое его слово, цены бы ей не было. Но тут скорее виноваты комплексы симпатичной, но не осознающей этого молодой женщины.

Питомцы уже поджидали его у подъезда. Правильно Лиза говорит – пиучил на свою голову. И ведь откуда-то знали, что время приближается к двенадцати, когда Алексей выходит из дома. Дежурили у входа от мала до велика. Алексей усмехнулся и поманил собак за мусорные баки, высыпал кости на землю. Тут уже им стало не до него. Началось соревнование, сопровождаемое рычанием, кто урвет лучшую кость.

До ресторана он добрался довольно быстро, хоть и не гнал особо. Да и не разгонишься по проспектам столицы в разгар трудового дня.

– Привет, тетя Оль! – поздоровался с гардеробщицей. – Шеф уже пришел?

– Полчаса уж как тут. А ты сегодня припозднил. Чего так? – Пожилая женщина взглянула на часы, висящие над входом в зал. Они показывали начало первого.

– В пробке простоял, – соврал Алексей.

Никакой пробки не было и в помине. Так, мелкие заторы. Просто проспал из-за того, что лег поздно. А все Лиза – настояла на разделывании холодца, пристала как банный лист. Видите ли, нельзя оставлять на ночь, прокиснет. И это она доказывала ему – повару шестого разряда. Иногда она бывает очень настырной, не переспоришь, лучше сделать как она хочет. И хоть он знал, что холодец не прокиснет за ночь, но предпочел уступить, потеряв часть драгоценной ночи. И потом еще ворочался без сна пару часов к ряду, в то время как она преспокойненько посапывала рядом. Ох уж эта Лиза!

– Опаздываешь, Алексей Юрьевич! – встретил его упреком Виктор Сергеевич – шеф-повар заведения.

– Виноват, Виктор. Больше такого не повторится.

Шеф требовал от подчиненных, чтобы звали его по имени на французский манер, с ударением на последний слог. В пятьдесят пять лет, обладая тучной фигурой и сварливым нравом, на француза он явно не тянул, но возражений не принимал. Да и мало кто пытался возражать, разве что Алексей, и то, если вопрос касался приготавливаемых им блюд. Весь персонал, начиная от директора ресторана и заканчивая уборщицей, называли его исключительно по-французски. Ладно хоть произношение не требовал соблюдать, и на том спасибо.

В общем-то, Виктор – неплохой начальник. На кухне работает наравне с подчиненными. Когда полгода назад Алексею предложили место шеф-повара в крупном ресторане, он отказался. Он и сейчас не понимал, как Виктор умудряется выполнять массу административных обязанностей. Меню на каждый день, отслеживание новых тенденций в ресторанном бизнесе, изучение спроса потребителей... Прибавить к этому общение с поставщиками, составление заявок на продукты, контроль сроков доставки, ассортимента и количества товара, становилось понятно, почему их шеф отличается вздорным нравом. Для Алексея же эта работа была сродни творчеству. Он любил «колдовать» над блюдами. Когда из набора продуктов получалось произведение искусства, воспринимал, как волшебство.

– Надеюсь, что не повторится, – кивнул Виктор, нарезаая лук кольцами и громко шмыгая носом. – Или ты думаешь, что гениям можно все?

В этом ресторане Алексей работал уже год. С самого начала он показывал отличные результаты. Клиенты хвалили его блюда. Книга отзывов распухла на глазах. Как-то сразу к нему приклеилось прозвище «маэстро». Из других ресторанов начали поступать выгодные предложения. Он их отвергал с завидным постоянством. Появились клиенты, что заходили в ресторан специально попробовать блюда, приготовленные им. Директор тогда повысил ему зарплату, опасаясь, что Алексея переманят конкуренты. Но, когда понял, что его повар отказывается от всех предложений, немного успокоился, поощряя его время от времени разовыми премиями.

До трех часов в ресторане подавали комплексные обеды. Работать приходилось много, и Алексей, немедля, принялся за дело. Бульон уже кипел, Лена – второй повар и друг Алексея, чистила картошку, умело орудуя ножом и выпуская спиралевидную кожуру.

– Как дела, как Лиза? – скороговоркой поинтересовалась она, когда Алексей к ней присоединился.

– Все путем, как обычно. Как твои?

У Лены – трое детей, все погодки. Младшему пять, а старшему недавно исполнилось семь. Муж работает вахтовым методом на севере, в отъезде пропадает до трех месяцев. Как она справляется с кучей ребятишек, Алексей не представлял. Виктор входил в положение многодетной мамы и отпускал ее пораньше, ресторан-то работает до часа ночи. Правда иногда ей приходилось задерживаться, когда обслуживали очередной банкет. В такие дни она обрывала телефон в поисках того, кто заберет ее мальчишек из детского сада.

Что больше всего поражало Алексея в Лене, так это ее оптимизм. Ему даже порой казалось, что у нее не бывает плохого настроения. Она всегда улыбалась и умудрялась утешать его, когда от безделья и бесцельного существования он готов был «лезть на стену». Тогда она со смехом говорила: «Посмотри на меня. Хочешь также?» За год совместной работы они по-настоящему сдружились. Часто Лена их с Лизой приглашала к себе в гости. Да что уж там, почти все праздники они отмечали в кругу ее семьи.

Все, во главе с шеф-поваром, трудились, как заведенные. Передохнуть смогли только после трех, когда закончились комплексы, и появился небольшой

перерыв перед вечерними посетителями.

Ближе к шести Алексей начал заметно волноваться. Все чаще он подходил к окошку в двери, ведущей из кухни в зал, и поглядывал на пока еще пустующие наполовину столики.

– Что, ждешь? – с улыбкой спросила Лена, отбивая свиную вырезку. – Думаешь, придет сегодня?

– Не знаю даже, но как-то беспокойно, – также тихо ответил Алексей, разделявая цветную капусту на мелкие соцветия.

– А последний раз когда приходила?

– Уже больше недели не была...

– Не переживай и не бегай. Если что, Витка сообщит сразу...

Не успели они закончить понятный только им двоим разговор, как в кухню забежала раскрасневшаяся Виталина – молоденькая официантка и доверенное лицо в этой смене, по совместительству.

– Лешка, там твоя пришла! Сейчас пойду заказ брать, – закричала она с порога.

– Тише ты, оголтелая! – шикнула на нее Лена, замахнувшись ножом. Выглядела при

этом неподдельно грозной. – Чего горланишь на всю ивановскую?

– Ой, пардоньте! – в испуге прижала девушка ладонь к губам. – Не подумала...

Хорошо Виктор в этот момент вышел с кухни, а то пришлось бы объясняться с

начальником, что сделать было довольно проблематично. Да и от сообщения Виты у Алексея мгновенно вспотели ладони. Такой была первая реакция, причем всегда и независимо от сопутствующих обстоятельств. Потом наступал

кратковременный ступор. А дальше появлялась острая потребность посмотреть. Казалось, не сделай он этого немедленно, то воздуха в легких не останется.

Он разглядывал в окошко ту, что занимала его мысли вот уже восемь месяцев, с момента, как впервые увидел её. Как всегда она казалась ему нереально красивой, какой-то дикой неприступной красотой. Но эта красота выглядела грустной, погруженной в себя. И так Алексею казалось почти всегда. Он любовался этими совершенными глазами, которые будто не умели искриться смехом. Они строгим взглядом скользили по залу, касаясь окружающих, словно призывая всех вести себя прилично. Чувственные губы, такие манящие и красиво очерченные. Сама природа создала их для поцелуев. Но еще ни разу Алексей не видел, как они улыбаются. Почему они всегда так плотно сжаты? Она сидит, выпрямив спину и подперев рукой голову, вчитываясь в меню и думая, как полагал Алексей, о чем-то безрадостном. Надменный, холодный аристократизм царственной осанки и движений, казалось, не может сочетаться с естественной красотой дикарки. Однако две противоположности гармонично сливались в единое целое, создавая образ, который невозможно стереть из памяти. Он будоражил душу, приходил во сне и в грезах и всецело занимал мысли Алексея уже довольно длительное время. Эта холодная красота стала частью его жизни, и как бы он ни старался, изгнать ее из души не получалось. Да и не этого хотел Алексей. А вот чего конкретно, он и сам не знал. Но только, когда незнакомка долго не приходила в их ресторан, то жизнь его теряла часть красок, становилась тусклой.

Интересно, что она закажет сегодня? Он будет готовить это для нее, как делал всегда, вкладывая в блюдо частичку души. В такие моменты Алексею казалось, что только так она может узнать о нем. Не познакомиться, нет, но стать еще ближе.

Он видел, как к столику приблизилась Вита, и незнакомка посмотрела на нее своими невероятными глазами, содержащими всю мудрость мира. Она ответила на вежливое приветствие Виталины и что-то сказала. Алексей пожалел, что не умеет читать по губам, иначе уже бросился бы выполнять заказ.

Он еле дождался, когда Виталина возьмет заказ еще за одним столиком и ворвется в кухню в обычной своей стремительной манере.

– Все до банального примитивно, – отдуваясь, проговорила она. – Свиной эскалоп с гарниром из цветной капусты. Честное слово, у твоей принцессы никаких

ИЗЫСКОВ В ПИЩЕ.

Алексей ее уже не слушал, он занимался свининой, удаляя малейшие жилки и жиринки. То, что она любит постное мясо, он понял, когда заметил, как она аккуратно срезает жир ножичком. С тех пор он готовил для нее только такое, чем вызывал недоумение Лены.

– Скоро ты будешь оплачивать ее ужины из своего кармана, втирая ей, что это подарок заведения постоянному клиенту. И самое главное, так и не рискнешь с ней познакомиться.

Она продолжала ворчать, а он кажется понимал причину ее недовольства. Догадывался, как странно, должно быть, выглядит со стороны, но и объяснить не мог, почему ведет себя именно так и испытывает подобные чувства. Он сам не знал, почему воспринимает эту женщину, как богиню. Почему ему страшно даже приблизиться к ней, словно боится осквернить ее своей человекоподобностью. Она совершенна, насколько только возможно это самое совершенство. А он... он всего лишь повар, который старается готовить для нее совершенные блюда.

Алексей так увлекся процессом жарки мяса, постоянно поливая его соком, что не заметил, как Лена какое-то время стоит рядом и разглядывает шипящий на сковороде кусок.

– Интересно, почему они у тебя получаются такими маленькими и аккуратными? – произнесла она. Алексей вздрогнул от неожиданности. – Ты как будто вылепил его... И посмотри на мой. От одного же куска отрезаем... Кроме того, этот я и отрезала, и он выглядел иначе...

– Даже не знаю, – пожал плечами Алексей, поддевая кусок вилкой и выкладывая на блюдо. Гарнир уже стекал в дуршлагае, а зеленый горошек – выложен в форме сердца на тарелке с золотистой каемкой.

– У тебя даже капуста получилась малюсенькими цветочками, словно сама разварилась как нужно. – Лена переместилась к гарниру и внимательно рассматривала его. – Ты делаешь что-то особенное? Или это секрет фирмы такой?

– Нет никакого секрета, Лен. Сам не знаю, как так получается, – снова пожал плечами Алексей.

– Ну, да, так я тебе и поверила...

– Готово за седьмой столик? – подскочила Виталина, выхватывая у Алексея тарелку. – Вижу, что готово, кому же еще такая красота полагается? – засмеялась она и рванула в зал.

– Не знаешь, говоришь? – хитро прищурилась Лена. – Тогда сваргань-ка точно такой за десятый столик, а я посмотрю, как ты это делаешь?

Через несколько минут она критически рассматривала очередной эскалоп на тарелке.

– И ты говоришь, что не знаешь? – требовательно спросила она, буравя взглядом поочередно то его, то эскалоп. – Тогда почему у тебя этот получился совершенно обычный, ничем не отличающийся от моего?

– Я, правда, не знаю, Лен. Так получается само собой.

Что еще он мог сказать в свое оправдание? Что ему помогает душа или высшие силы? Что для такой женщины невозможно готовить некрасиво? Он просто знал, нужно приложить максимум усилий и получал такой результат. Это не значит, что для других он готовил без души или не стараясь. Он любил свою работу и делал ее качественно всегда, но так красиво получалось только для нее.

Через какое-то время вернулась Виталина и доложила:

– С десятого столика поступила жалоба, что мясо пересолено.

– Они хотят другое, в качестве компенсации? – уточнил Алексей, невольно поморщившись.

– Да нет, он просто посетовал, что повар готовит божественно, но с солью не очень дружит, – хихикнула она.

– И это еще одна странность, – услышал Алексей голос Лены из холодильника.

– Ты о чем там? – решил уточнить он.

– Я о том, что всегда, когда она в зале, ты пересаливаешь пищу остальным, – выглянула та из холодильника.

Об этом он тоже знал и объяснений не находил, как и всему остальному. Слава Богу, проблема не ярко выражена, иначе пришлось бы держать ответ перед шефом.

Она провела в ресторане не больше часа, как делала всегда. И ее уход на этот раз он не пропустил. Когда такое случалось, в душе на время поселялось легкое неудовлетворение, словно он не сполна наслаждался одному ему предназначенным зрелищем. И беспокойство не отпускало его до следующего раза, когда она снова переступала порог их ресторана.

Алексей наблюдал, как она расплачивается по счету, равнодушно достает купюры из кошелька ухоженными пальцами. Даже с такого расстояния он видел, какие у нее руки – тонкие запястья с длинными пальцами. Такие они от природы, а не плод тщательного ухода, в этом он был уверен. Он любовался ее грациозными движениями, как она убирала пряди волос с лица, поправляла драпировку на блузке, прежде чем встать из-за стола. А потом она делала всего несколько шагов в сторону двери и скрывалась. Вот тогда наступала пустота, которая нескоро заполнялась смыслом. Какое-то время после ее ухода он чувствовал себя осиротевшим и продолжал рассматривать зал. Для него он становился пустым после ее ухода, пока не возвращались звуки, люди, обязанности...

А потом он начинал размышлять, не забывая продолжать работать. Он думал, что с ее появлением его жизнь наполнилась особым смыслом. В те моменты, когда она входила в ресторан, что-то менялось в душе. Этот час он проживал вместе с ней, хотя она даже не подозревала о его существовании. А ему казалось, что пока она сидит в зале, то принадлежит только ему.

– Тебе, как обычно, передали благодарность, – донесся до него голос Виталины, вклиниваясь в мысли. – Странно, что она до сих пор не объявила ее тебе лично.

Алексей как раз не видел в этом ничего странного. Именно такие отношения сложились у них негласно. Она не знала его, но не могла не чувствовать, что он готовит для нее. И ее благодарность, переданная через официантку, была важной составляющей их отношений.

– И правда, странная она какая-то... – проворчала Лена, занятая приготовлением соуса для мяса. – Могла бы хоть раз поблагодарить тебя лично, не переломилась бы.

Ну, как ей объяснить, что ему это не нужно? Он на расстоянии лучше чувствовал ее благодарность.

– За что благодарить-то? – Он решил выступить в защиту своей музы. – Я же не делаю ничего особенного.

– Тогда зачем передавать спасибо через Витку? – не унималась Лена. – Молчала бы уж. Да и ты лучше молчи, не зли меня.

Алексею казалось, он догадывается, почему ее появление вызывает такой негатив в душе доброй Лены. Люди, когда чего-то не понимают, воспринимают это в штыки. Так и Лена... Она не понимала его отношения к этой женщине. Не считала нормальным такое чувство. А понимал ли он сам? Одно он знал точно, что в какой-то момент у него появилась муза, а глубже предпочитал не анализировать ощущения, боясь испугаться их силы.

Глава 2

Милана не спеша шла в любимый ресторан, хоть и не испытывала голода. Она делала это просто потому что захотела, потянуло... Рабочий день закончился, подумать было о чем. А где еще можно это сделать, как не в привычном месте, за любимым десертом.

Она прислушивалась к характерному звуку, оставляемому каблуками на мощеной булыжником дороге. Цок, цок... Приглушенный и, в то же время, отчетливо различимый среди других отголосков – неистового птичьего щебета,

шума с проезжей части, где она оставила машину, и человеческого гомона, окутывающего словно кокон. Все звуки, кроме единственного – шуршания шин – рождали гармонию в душе. Этот же раздражал и не вписывался в окружающую обстановку.

Милана находилась в старинной части города. Гуляя по этой улице, она нет-нет да задумывалась: свидетелями скольких событий стали выщербленные местами булыжники, старинные особняки по бокам, в которых сейчас никто не жил. Они продолжали хранить дух того времени, став домами-музеями. Тем более Милана не понимала, как можно заезжать сюда на машине? Да и какой смысл, если улица тупиковая и совсем коротенькая?

Она приблизилась к небольшому ресторану под названием «Серенада». Именно им заканчивалась улочка. Сама себе отчета не отдавала, почему временами так тянет сюда. Особенно в такие дни, когда дома ожидал скучный вечер в одиночестве перед телевизором или с книжкой в руках. Олег, как обычно, задерживался допоздна, решая мировые проблемы. Грустно, а еще скучно. Пустой дом не мил и не кажется уютным. А вот Серенада манила, словно предлагала: «Погрусти, голубушка, в привычном месте под звуки ненавязчивой мелодии».

Гардеробщица встретила дружелюбной улыбкой, как старую знакомую. Милана отдала ей плащ и придирчиво осмотрела себя в зеркале. Белая блузка выглядела довольно свежей после целого рабочего дня, да и узкая юбка до колен не помялась. Спасибо отличной ткани, ее заслуга, а не Миланы лично. А вот густую копну темных волос следовало пригладить, растрепались на весеннем ветерке. Милана достала щетку из сумки и несколько раз провела по волосам, зачесывая их назад, открывая невысокий лоб и укладывая тяжелые пряди на плечи и спину. Она гордилась своими волосами. Ей нравился их почти черный цвет, не требующий окрашивания, и густота.

Небольшой зал тонул в полумраке. Здесь не было центрального освещения. Возле каждого столика, вдоль двух противоположных стен, висели бра. Вот и получалось, что освещался зал по периметру, а середину окутывали сумерки – таинственные, сказочные. Милане нравилось тут все, начиная от интерьера, выдержанного в темных бордово-зеленых тонах, и заканчивая полом, устланным черной матовой плиткой. Имелся и элемент роскоши – царящее повсюду золото. Бордовые скатерти окаймлял золотой купон, зеленые стены украшали золотые вертикальные полосы, и бра выглядели роскошно в золотой инкрустации. В

довершение картины – наборы для специй на столах тоже блестели золотом. И скромный вкус Миланы не шокировала подобная броскость, а, напротив, что-то уравновешивала в ее душе, внося ощущение гармонии.

Она присела за любимый столик – самый ближний к выходу, как делала всегда. Почему именно его облюбовала, и себе толком не могла объяснить. Удобно? Да нет. Гораздо удобнее затеряться подальше от входа и любопытных глаз. Не хлопотно? Но о каких хлопотах может идти речь в таком месте. Иногда ей казалось, что таким образом она банально подготавливает путь к отступлению. Осталось еще выяснить, от кого или от чего она собиралась бежать.

– Добрый вечер! – поприветствовала ее молоденькая официантка с табличкой «Светлана» на груди.

Девушка положила перед Миланой меню, выдержанное в общем стиле – бордовое, с золотым тиснением и буквами.

– Принести вам что-нибудь из карты вин? – вежливо поинтересовалась официантка.

– Нет, спасибо. Кофе, пожалуйста.

Аппетит так и не проснулся, хоть тут и замечательно готовили. Милана любила тут ужинать со вкусом. Но сегодня пришла просто чтобы подумать, отдохнуть душой. Правда сидеть перед пустым столом тоже нельзя, стыдно. Она открыла меню на разделе десертов. Выбор пал на шок-манже. Милане нравилось это лакомство, и тот факт, что там содержится ничтожная доля спиртного, она решила проигнорировать. И так, как здесь, его больше не готовили нигде. Интересно, как обычное лакомство, продукт смешения шоколада, масла и яиц, может превращаться во что-то настолько вкусное. Она пробовала дома готовить шок-манже, но так у нее не получалось. Возможно, сработал тот фактор, что готовить в принципе не любила. Да и необходимости особой не было, никому ее стряпня не была нужна. Олег, с которым они жили вместе вот уже три года, предпочитал ужинать вне дома. Сама она могла ограничиться бутербродами или даже поголодать после шести в профилактических целях. Да и была Серенада, куда она иногда, без определенной периодичности, забредала и которую обнаружила случайно два года назад и сразу же влюбилась. Это место она держала в тайне от всех и ходила сюда исключительно одна.

Милана окинула взглядом практически пустующий зал. Всего пара столиков еще были заняты. За одним вели приглушенную беседу двое пожилых мужчин, за другим сидела явно влюбленная парочка. Эти вообще даже не ворковали, а лишь целовались периодически. Интересно, здесь когда-нибудь бывает шумно? Наверное... Милана никогда не приходила в ресторан поздно вечером, когда, наверное, в центре зала кружатся пары в медленном танце или народ весело выплясывает под ритмичную зажигательную музыку. Скорее всего, она уходила раньше, чем начиналось настоящее веселье. Да и не нужно ей это. Она именно за то и любила Серенаду – за умиротворение, за атмосферу, располагающую к наведению порядка в собственной душе.

Почему сегодня все не так, как всегда? Словно привычная гармония отвернулась от нее, а место ее заняло какое-то беспокойство. Оно грызло изнутри, не давало расслабиться. Предчувствия терзали душу, и объяснения им Милана не находила. Вроде все как обычно. Ну, задержался Олег на работе, такое случается нередко. Должность начальника коммерческого отдела предусматривает ненормированный рабочий день. Ему частенько приходится приглашать на ужин заказчиков, чтобы удержать старых или заинтересовать новых. Такова специфика работы рекламной фирмы, в которой они оба трудятся вот уже три года. Они и познакомились там. Олег тогда занимал должность рекламного агента и подавал большие надежды. За три года сделал, можно сказать, головокружительную карьеру и в двадцать восемь лет стал начальником коммерческого отдела. И это заслуженно, как считала Милана. Олег обладал всеми качествами лидера, лучше него никто не мог подбирать и заинтересовывать клиентуру.

В чем же тогда дело? Почему именно сегодня ей казалось, что жизнь зашла в тупик? И отчего грызет мысль, что постоянные задержки Олега на работе не проходят бесследно, а наносят вред их отношениям?

– Желаете что-нибудь еще? – подошла официантка.

– Нет, спасибо. И принесите счет, пожалуйста.

Милана уже выпила кофе и съела потрясающе вкусный десерт. Оставаться и дольше в ресторане становилось неудобно. Не сидеть же за пустым столом, а заказывать что-нибудь еще не хотелось. Она расплатилась по счету, оставив щедрые чаевые.

– Передайте повару, что он, как всегда, на высоте, – попросила она, перед тем как покинуть ресторан.

На улице смекалось, и кое-где уже зажглись фонари. Милана не спешила к своей машине, вдыхая теплый воздух ранней весны. Редкий год бывает так тепло в конце марта. Обычно в это время еще лежит снег. А в этом году снег сошел рано, и конец марта больше напоминал май, только деревья еще стояли голые с набухшими почками.

Желтый фольксваген-жук ждал ее метрах в пятидесяти за поворотом, в специально отведенном для парковки месте. Свою машину Милана любила. Иногда даже смеялась над собой, утверждая, что «жучок» заменил ей ребенка, которого к двадцати семи годам она еще не завела. Размышления на тему детей неизменно расстраивали ее. Именно поэтому Милана запретила себе даже думать о детях. Она никого не винила и не осуждала, потому что сама, прежде всего, мечтала сделать карьеру в рекламном бизнесе. Правда пока дальше должности текстовика не продвинулась. Но ее ценили на работе, особенно начальник творческого отдела, где она и трудилась. Так ценили, что продвигать по служебной лестнице не торопились. И если поначалу эти вопросы не давали покоя, то теперь она смирилась. Иногда даже казалось, что плыть по течению легче, чем стремиться чего-то достичь. Так спокойнее, учитывая, что она неплохо зарабатывает, и компания вроде процветает. Да и работу свою она любит. И если бы не периодические, участившиеся в последнее время, приступы хандры, то, наверное, можно сказать, что в жизни Миланы все хорошо.

Она подъехала к воротам в заборе, что огораживал территорию вокруг элитной пятиэтажки с такими же элитными квартирами. В одной из них жили они с Олегом. Квартиру здесь он купил не так давно, после того как получил должность начальника отдела и приличную зарплату. Директор фирмы выдал ему беспроцентную ссуду на пять лет, чем Олег невероятно гордился. Он расценивал этот жест, как признак особого доверия со стороны руководства.

– Добрый вечер, Милана Юлиусовна, – поприветствовал ее вышколенный охранник, когда она въезжала в ворота. Она слышала от кого-то, что их наказывают, вплоть до увольнения, если они не знают всех жильцов дома по именам.

К своему стыду, Милана не могла похвастаться тем же. Она не знала, как зовут охранника, возможно именно потому, что они так часто менялись. Поэтому она

ограничилась простым «здравствуйте».

Двухкомнатные апартаменты располагались на втором этаже. Именно апартаменты по российским меркам. Огромные комнаты, сорок и тридцать квадратных метров, слабо напоминали среднестатистическую квартиру. Прибавить к этому двадцатиметровую кухню, и получался настоящий дворец.

Олег не разрешил Милане обставить квартиру по собственному вкусу, заявив, что тогда она превратится в жилище зажиточного мещанина. Он нанял высококвалифицированных дизайнеров для разработки интерьера в стиле хай-тек. И очень скоро их общее гнездышко превратилось во что-то стальное с преимущественно белыми вкраплениями, сложные геометрические конструкции, вопящие современностью, достатком, чем угодно, но только не уютом. Так считала Милана. А еще она ни за что бы не призналась Олегу, как ее обижало его мнение касательно ее вкуса. Обида никуда не делась, но ее пришлось запрятать где-то глубоко внутри себя. Правда нет-нет, но она вылезала наружу, изливаясь в беспричинных придириках или приступах нервозности.

Вот и сейчас, войдя в квартиру и включив свет, Милана первым делом подумала, что ей здесь некомфортно, нет угла, в котором можно притулиться с удобствами и отключиться от всего. Даже мягкая кровать с водяным матрасом больше выводила ее из себя, чем позволяла расслабиться.

Из всех мест в квартире Милану больше всего привлекала ванная. Тоже невероятно современная, она все же казалась отдаленно одомашненной. Возможно, такое впечатление складывалось из-за пушистого ковра, что устилал пол, а может, разноцветные полотенца в сочетании с пестрыми махровыми халатами делали ванную комнату не похожей на другие. Как бы там ни было, но только тут Милана чувствовала себя комфортно.

Наполнив просторную джакузи водой с пеной, она забралась в нее и позволила телу расслабиться, стараясь ни о чем не думать. Для достижения максимального эффекта включила радио на любимой волне, где крутили исключительно лирическую музыку, без шансона или рока. Усталость заявила о себе, наливая веки свинцом. Милана и не заметила, как глаза закрылись, и она начала проваливаться в сон. И почти сразу же в сознание ворвался сердитый окрик:

– Так и знал, что ты здесь.

Милана дернулась всем телом. Откуда-то появился испуг, хоть в голосе Олега и не было ничего страшного. Она даже умудрилась увидеть сон. Что именно не запомнила, но что-то неприятное, тянущее. Наверное, еще и потому испугалась.

– Так и утонуть недолго, – проворчал Олег, присаживаясь на край ванны.

Невольно Милана, как это часто случалось, залюбовалась им. Редко когда мужчина бывает настолько красивым, даже несмотря на то, что мужчины в общей массе красивее женщин. Так она думала всегда. Олега же Милана считала самым красивым из всех знакомых мужчин. Высокий, атлетически сложенный, платиновый блондин с ярко-голубыми глазами и мужественными чертами лица. Он больше походил на бога, сошедшего с Олимпа, чем на обычного человека. Олег нес свою красоту с достоинством, ни на миг не усомнившись в ее наличии. Милана всегда поражалась тому факту, что он проводит времени перед зеркалом гораздо больше, чем она. Частенько даже комплексовала рядом с ним, хоть и знала, что ее тоже многие находят красивой.

Олег не торопясь расстегивал рубашку, и Милана невольно напряглась всем телом. Она знала, что за этим последует. Такое выражение его лица было хорошо ей знакомо. Глаза его заблестели, а взгляд пытался проникнуть под солидный слой пены, чтобы разглядеть то, что пряталось под ним. Он склонился к Милане, ласково коснулся ее рук и завел их ей за голову. После этого очистил от пены то место, где была грудь, лишь на долю секунды сжимая пальцами соски. Но и этого хватило, чтобы они возбужденно встопорщились, реагируя на откровенные прикосновения.

– Твоя грудь совершенна, когда ты так делаешь, – проговорил он внезапно охрипшим голосом. Рубашка к тому времени уже была аккуратно развешена на крючке, и Олег стремительно освобождался от брюк и плавок, открывая взору Миланы доказательство своего возбуждения.

«Не я так делаю, а ты». Она не шевелилась, наблюдая за Олегом. Его глаза потемнели и увлажнились. Он всего лишь разглядывал ее грудь, а ей казалось, что он касается кожи, скользит по ней, разжигая ее все сильнее.

Он не торопился присоединяться к ней, вместо этого снова, теперь уже полностью обнаженный, опустился на край ванны и принялся намыливать мочалку ароматным мылом ручной работы. Личный пунктик Олега – любил все дорогое, качественное, самое лучшее.

Прелюдия к «банным играм», как их называл Олег, всегда была одинаковой. И обычно Милана ничего не имела против них. Но не сегодня. Почему-то именно сейчас ей больше всего хотелось остаться в одиночестве, несмотря на все возрастающее возбуждение.

– Иди ко мне, – потянул Олег ее за руку, вынуждая оторвать голову от такой мягкой и удобной подушечки и сесть.

Дрожь пробежала по телу Миланы, когда жесткий ворс мочалки прошелся по плечам и спине, шее и ключицам, приближаясь к груди, обводя ее кругами. Грудь Олег никогда не тер мочалкой. Вот и сейчас он отложил ее в сторону, забрался в ванну и устроился у Миланы за спиной, прижимаясь к ней и обхватывая грудь руками. Мгновенная боль прострелила тело, когда Олег сильно сжал соски пальцами, сразу же выпуская их и снова прижимая Милану к себе. Подготовиться она не успела, хоть и знала, что это случится. На глазах выступили слезы, но она их быстро прогнала. Крохотный элемент садизма всегда присутствовал в их интимных отношениях. Можно даже сказать, что Милана привыкла к этой особенности жизни с Олегом. Но неизменно она ее напрягала, хоть и не вносила заметного дискомфорта.

Олег долго игрался с ее грудью, поглаживал ее, мямлил, теребил соски. Губы его прижались к шее Миланы и покрывали ее короткими поцелуями. Обычно это ее возбуждало, но сегодня все пошло не так. Легкое раздражение не желало выветриваться из души, поцелуи и касания Олега не доставляли удовольствия. Она чувствовала возбуждение партнера, но знала точно, что игры еще только начинаются.

Наигравшись с грудью, Олег развернул Милану к себе и накрыл ее губы своими. Поцелуй длился тоже ровно столько, сколько нужно было чтобы он не наслаждался им вволю. Впрочем, он возбудил Милану. Она обняла Олега за шею, зарываясь пальцами в мягкие пушистые волосы, и отдалась поцелую целиком, как привыкла делать. Она считала, что когда губы мужчины и женщины соприкасаются, дыхание их сливается в единое, наступает миг волшебства, особой близости. Именно это рождает родство душ, делает партнеров одним

целым.

Та часть банных игр, что всегда следовала за поцелуем, неизменно рождала в душе Миланы смятение. Она ее просто-напросто не понимала, как и того, почему Олег так измывается над собой, доводя собственное возбуждение до точки кипения. Кое-какие догадки конечно зарождались, и все они указывали на долю неполноценности мужчины, с которым она планировала провести всю оставшуюся жизнь, но этот недостаток Милана тоже относила к несущественным. В конце концов, не все в жизни сводится к сексу.

– Покажи мне свой бутон, – пробормотал Олег ей в губы, прерывая поцелуй и подхватывая под ягодицы.

Милана послушно закинула ноги ему на плечи, прогибая спину и приподнимая таз. Он помогал ей руками, выталкивая из воды и пожирая взглядом то, что раскрылось перед его глазами. Капля геля для интимной гигиены охладила кожу, и Олег принялся тщательно промывать все складочки, не касаясь чувствительного бугорка. Иногда Милане казалось, что ему до крайности важно заниматься сексом с натертой до блеска ею. Он словно стерилизовал ее предварительно. И от подобных мыслей она не могла избавиться, как ни старалась. И конечно же, все это не добавляло удовольствия, а потому подобные мысли она гнала, стоило им только зародиться.

Ополоснув ее гениталии поточной водой, он, наконец, проник в нее сразу двумя пальцами. Сделал это грубовато, не в пример тому, как нежно касался ее до этого. Но и к такому Милана уже давно привыкла, а потому лишь сильнее выгнулась ему навстречу.

– Горячая и такая влажная, – улыбнулся Олег, находясь во власти сильнейшего возбуждения. Веки его подрагивали, прикрыв глаза, а пальцы нашли уже чувствительный бугорок и принялись несильно его массировать. – Хочу почувствовать твой вкус, – с этими словами Олег приподнял ее еще выше над водой, пуская в дело язык. – Кончи, – приговаривал он, лаская ее языком, доводя до исступления. – Ты ведь сделаешь это для меня?..

И она кончила, не сдержав громкого стона и выгибаясь всем телом. Никогда, ни разу еще они не достигли оргазма одновременно. Неизменно Олег сначала делал все, чтобы она вознеслась на вершину блаженства, а потом уже

удовлетворял собственную потребность. И как раз этого Милана не понимала. Иногда ей казалось, что по-другому он не может, что не доведи сначала ее до полуобморочного состояния и не почувствуй ее вкус на своих губах, он просто-напросто не сможет получить разрядку. И в такие минуты, когда задумывалась об особенностях их интимной жизни, Милана ловила себя на мысли, что хочет простого секса, даже где-то грубого соития, а не наполненного одному Олегу желанной магией таинственного ритуала любви.

– Как прошла встреча? – спросила Милана распаренная и разомлевшая после экзотического купания, лежа в такой огромной кровати, что в ней можно было потеряться.

– Как обычно, – зевая, ответил Олег. – Заказчик попался нудный и требовательный. Но я гнул свою линию и убедил его.

Заказчиков Олег чаще всего считал нудными, не стесняясь высказываться вслух. Редко когда кто заслуживал его одобрения и доброго слова.

– А подробнее рассказать не хочешь? – решила не отступать Милана.

– Ну зачем тебе забивать этим голову, Мил? – Он отвернулся на другой бок, готовясь отойти ко сну. – Поверь мне, все было очень даже скучно.

Почти сразу Олег громко засопел, и Милана поняла, что он унесся в царство Морфея. Она же никогда не умела засыпать мгновенно, в отличие от него. А еще ей не хватало разговоров перед сном. До того как сошлась с Олегом, она жила дома, со своей семьей. Комнату они делили с сестрой, младше Миланы на пять лет, и бывало ночами говорили обо всем подряд, на самые разные темы. С Олегом такой номер не прокатывал, в чем она убедилась с первых дней совместной жизни. Он предпочитал разговаривать за пределами спальни, как и заниматься сексом в самых экзотических местах. Кровать у него служила исключительно местом для сна.

– И не называй меня Милой, сколько можно просить? – пробормотала Милана, тщетно пытаясь побороть возмущение.

Олег что-то промычал в ответ. Как же ее бесило, когда он называл ее Милой! Эта его непрошибаемость просто выводила из себя, нарушая и без того хрупкое

равновесие в душе Миланы. Она с раздражением посмотрела в спину крепко спящего рядом мужчины и невольно скривилась, отодвигаясь подальше. Сколько раз можно объяснять ему, что Мила – производная от Людмила, что она Милана, можно Лана, как звали ее на работе. Ну вот был такой пунктик и у нее. Она же мирилась со всеми его недостатками. Так почему бы и ему хоть в чем-то ни уступить ей! Так нет же, все оказывалось безрезультатно, ничто на него не действовало. Чаще он звал ее просто зайкой, а в такие моменты, которые считал наполненными особой духовной близостью, Милой.

Милана ворочалась с боку на бок, не понимая, что сегодня происходит с ее настроением? Почему она цепляется к Олегу и всем недовольна? Эти черты появились в нем не только что, а были всегда, на протяжении всего времени их совместной жизни. Раньше она мирилась с ними, чаще просто закрывала глаза, потому что, в общем-то, он ее устраивал для семейной жизни. Успешный, пробивной, знающий себе цену... Вот именно, знающий себе цену! А задумывался ли он когда-нибудь, какова ее роль в его жизни? Почему именно сегодня ее перестало удовлетворять существующее положение вещей?

Глава 3

– Олег, поедем сегодня на твоей машине, хорошо? – крикнула Милана из ванной, наводя последние штрихи к макияжу. Немного, совсем капельку румян на скулы, чтобы подчеркнуть их линию, и любимого цвета ореха блеска на губы. – Хочу отдохнуть от руля.

– Нет, зая, не получится, – прокричал он в ответ. – Или вечером тебе придется добираться на такси.

Рука с кистью для румян упала плетью вдоль тела. Милана посмотрела на отражение в зеркале, резко перехотев что-то еще добавлять к образу. Настроение стремительно ухнуло вниз. Как же ей это надоело! Практически каждый вечер он занят на важных встречах или поздних совещаниях. Что такого она просит? Даже не одолжения, а нормальной слуги. Да и даже не услуги, если уж на то пошло. Ведь нет ничего естественнее, чем добираться вместе на работу, если двое живут в одной квартире и работают в одном здании, разве что в разных блоках.

– И почему на этот раз? – Милана остановилась в дверях спальни, рассматривая вертевшегося перед зеркалом Олега. На нее он даже не взглянул, не она его сейчас интересовала. Одет в фиолетовую рубашку, а прикладывает к себе темно-синюю.

– Какая лучше? – отвернулся он от зеркала, всем своим видом показывая, как вовремя она зашла.

Милана аж опешила от настолько нарочитой черствости, граничащей с наглостью. Не исключено, что и она из мухи делает слона. Но ведь уже не в первый раз он так себя ведет, и любому терпению наступает предел. Да и в конце концов, она тоже не железная и никогда не могла похвастаться супер выдержкой. Ну неужели его в данный момент (особенно учитывая ее выражение лица, в которое он сейчас так доверительно заглядывает) ничего больше не занимает? Какую выбрать рубашку? А ее вопрос можно пропустить мимо ушей, получается.

– Надень обе! – Ответила грубо, даже очень. Понимала, что ведет себя, как истеричка. Но когда злость переполняет, как ее сейчас, за интонацией следить не получается. – Станешь еще неотразимее.

– Ты чего? – Лицо Олега вытянулось от обиды и разочарования. Господи! Как же он умеет делать вид, что ничего не произошло, что его поведение не выходит за рамки допустимого! Как часто в такие моменты Милане становилось стыдно за собственную вспыльчивость и импульсивность. Но только не сегодня. – У тебя ПМС что ли?

Злость как-то разом иссякла, как и терпение. Последний дурацкий вопрос Милана и вовсе решила проигнорировать. Да и смысл разговаривать с ним сейчас, если рассчитывать услышать что-то разумное в ответ бесполезно. Для него куда важнее вопрос внешности. Бросив на Олега всего один еще взгляд, она развернулась и пошла на кухню. Времени оставалось ровно на то, чтобы выпить чашку кофе.

Дело ведь не в необходимости добираться домой на такси. Не первый и не последний раз она бы так поступила. Злило именно отношение Олега. Откуда, а главное, когда появилось такое равнодушие? Не сослуживцы же они, а муж и жена, пусть и гражданские. Надоели постоянные вопросы коллег и друзей.

Понятно, что им любопытно, но и она не железная. Где взять сил не сорваться на кот-то еще? А в такие моменты, как этот, когда она больше всего страдала от отсутствия духовной близости с человеком, которого считала родным, оставаться спокойной было очень трудно. Милана даже испытывала физическое недомогание, чувствуя, как сердце возмущенно ухает в груди и щеки пылают от обиды. Сколько ни размышляла, понять не могла, как так получается, что со временем они с Олегом отдаляются друг от друга, вместо того, чтобы становиться ближе, как это происходит в других семьях. Но и его одного винить не могла. Постоянно искала причины в себе и не находила.

Олег вошел в кухню, поправляя галстук. Он сменил фиолетовую рубашку на синюю, которая, и правда, шла ему больше. Наполнил чашку кофе и присоединился к Милане за столом. Пить кофе непосредственно перед выходом из дома уже вошло у них в привычку.

– Знаешь, иногда ты очень напоминаешь свою мать, – с равнодушно-философским видом изрек он, прихлебывая из чашки. – Такая же беспричинно-вредная.

Так! Началось! Когда он становится особенно недоволен поведением Миланы, то начинает сравнивать ее характер с маминым. С мамой у них отношения не сложились с самого начала. Раньше Милану возмущал этот факт, и обвиняла она маму, что не может та избавиться от предвзятости, что вбила себе в голову что-то, чего и в помине нет. Но со временем ситуация изменилась, и Милана начала подозревать, что мама разглядела в Олеге то, что Милана до сих пор не видела. Оскорблял даже не тот факт, что он находил их похожими, а то, каким тоном он это произносил. Из его слов следовало, что мама – человек, наделенный исключительно отрицательными качествами. Конечно, она далеко не ангел, и временами резко судит о людях. Так произошло и с Олегом, которого она невзлюбила, но терпела ради дочери. Все их общение сводилось к обмену ничего не значащими фразами. Но это ее мама!

– Не смей так говорить про маму! – со скрытой угрозой в голосе произнесла Милана, на что Олег не отреагировал никак, продолжая прихлебывать кофе.

– А может, ты такая в отца, – не меняя интонации, произнес он. – Все-таки, венгры – жестокая нация, а ты многое унаследовала от него.

Вот тут у Миланы аж в глазах потемнело. Этого она уже стерпеть не смогла. Он посягнул на самое святое, что только было у нее в жизни, – на память. Отец разбился на мотоцикле, когда Милане исполнилось четыре года, но она хорошо помнила красивого и улыбчивого мужчину. А еще она видела, как плакала мама. Фамилия Ковач и его характер – вот все, что осталось ей от отца. Потом в ее жизни появился отчим, Валера, родилась сестра, но мама делала все, чтобы Милана не забывала, кто ее отец. Она часто рассказывала, каким страстным, энергичным и романтичным он был. Как любил жить, хорошо пел и рисковал без меры. А еще Милана всегда улавливала в рассказах матери затаенную нежность и понимала, что та до сих пор тоскует по первому мужу и продолжает его любить.

– Твой папа называл себя мадьяром, – улыбалась она, рассказывая. – Знаешь, он был талантливым и веселым, стремился взять от жизни все. – В этом месте появлялась грусть, и Милана понимала отчего... В своем стремлении жить отец потерял саму жизнь. – Ты сильно на него похожа, и мне за тебя страшно, – говорила мама. – Ты очень эмоциональна и также ответственно относишься к работе. Настолько ответственно, что порой забываешь про личную жизнь. Когда ты смотришь на меня, я как будто вижу его. Те же глаза, пристальный вдумчивый взгляд, тот же интерес к жизни... Только ты все это старательно прячешь внутри себя, а он выпускал наружу. Люди любили его...

Милана мечтала посетить Венгрию. Она представляла себе эту прекрасную страну, пересекаемую Дунаем. Особенно ярким желание стало в последнее время. Такое чувство, словно резко ослаб интерес к жизни, и срочно требовалось лекарство от этого. Еще давал о себе знать природный авантюризм, любовь к приключениям. И это ей тоже досталось от отца. Да, она очень похожа на него, и безмерно этим гордится!

Поэтому, когда Олег заговорил в таком тоне о ее кумире, что-то взорвалось внутри. Она с грохотом опустила чашку на блюдце, едва не разбив его.

– Заткнись, слышишь?! Ты не смеешь даже думать в таком тоне о моем отце, тем более говорить. Ты и в подметки ему не годишься!

Олег вытаращил на нее глаза. Милана и сама понимала, что так она разговаривает с ним впервые. Но раньше она и не злилась на него настолько сильно, да и она проявлял аккуратность, даже когда потчевал ее гадостями, наподобие этих. И сработало. Тон ее подействовал – он испугался. Хотя, скорее

его напугало, что чашка с остатками кофе может полететь в него и испортить безупречный внешний вид, нежели гнева Миланы.

– Не смей больше даже заикаться о моем отце, понял? С сегодняшнего дня эта тема под запретом.

– Ну, ладно, как скажешь, – пошел он на попятную, поднимаясь из-за стола и отходя на безопасное расстояние. – Ничего особенного я и не говорил...

Милана никак не могла взять себя в руки. Внутри все клокотало. Первый раз он до такой степени разозлил ее неспособностью думать, прежде чем что-то сказать. Она и раньше подмечала в нем эту особенность и удивлялась, как при такой ограниченности он умудрился сделать карьеру в фирме. Хотя, сама же могла бы ответить на этот вопрос. Во многом его карьере способствовала она, вернее ее идеи по работе. Она частенько их подкидывала ему, а он выдавал за свои. Ничего плохого в этом Милана не видела, она не прочь оказать помощь близкому человеку. Немного напрягал факт его убежденности, что всего добился сам. Она только надеялась, со временем это пройдет, особенно когда он добьется желаемого положения.

Неприятные сюрпризы на сегодня еще не закончились. На Олега она не смотрела и вздрогнула от неожиданности и невольного отвращения, когда он тихо приблизился сзади, прижался губами к ее шее и забрался рукой в вырез блузки. И как обычно, среагировать вовремя не получилось, Олег умудрился довольно ощутимо сжать грудь. Милана скривилась, стараясь спрятать от него лицо, убрала его руку и встала из-за стола.

– Не надо, я уже опаздываю... Это ты можешь позволить себе задержаться, а у меня начальник строгий.

– Это Палыч-то строгий? – хохотнул Олег. – Да он распустил вас всех... Наверное, сказывается возраст.

Василий Павлович – начальник творческого отдела, – один из лучших людей среди знакомых Миланы. Ну по крайней мере, она его таким считает. Ей нравится этот мужчина преклонного возраста и она огорчается, что он собрался на заслуженный отдых. По этому поводу грустят все сотрудники их большого отдела. Под его руководством приятно работать. Палыч умудряется никогда не

повышать голос, создавать в отделе по-настоящему творческую и удивительно миролюбивую атмосферу. Вопрос с его уходом на пенсию уже считался решенным, и теперь все переживали, кого пришлют на его место. В том, что это будет человек со стороны, никто не сомневался, зная политику директора рекламного холдинга и его любовь к ротации. Сомневались в том, что новый начальник окажется хоть на десятую часть таким хорошим, как Палыч.

– И тем не менее, опаздывать у нас не принято.

Милана убрала чашки в раковину, быстро сполоснула их и поместила в сушилку. Оставляя грязную посуду не любила. Не глядя на Олега, вышла из кухни. Разговаривать с ним не хотелось, да и время поджимало. Оставалось надеяться, что она не попадет в километровую пробку.

«Жучок» приветливо мигнул фарами. Милана даже порадовалась, что не нужно еще какое-то время находиться в обществе Олега. Зря она вообще завела разговор на тему совместной поездки на работу. Глядишь, не услышала бы столько гадостей в свой адрес, настроение бы не испортилось. А теперь вот нужно умудриться оставить плохое настроение если не дома, то хотя бы во дворе. Не хотелось заражать творческую атмосферу отдела собственным негативом.

Ровно в девять она припарковалась возле современного офисного здания, где рекламная фирма «Эллипс» занимала весь седьмой этаж. Все-таки немного опоздала, часы показывали начало десятого.

Одиннадцать служащих творческого отдела располагались в одной огромной комнате, заставленной столами, планшетами, мольбертами и аппаратурой для видео и фотосъемки. Милане нравилась атмосфера творческого хаоса, царящая в отделе. Из стерильной и новомодной квартиры она попадала в другую жизнь – настоящую, кипучую. Народ с утра суетился, словно и не расходился на ночь по домам. Только Палыч сидел за стеклянной перегородкой и наслаждался утренней чашкой чая с печеньем. Как обычно, спокойный как удав и довольный, как сытый кот. Вот как он умудрился сохранить такую жизнерадостность с такой-то нервной работой?

Пока Милана добралась до рабочего места, приходилось несколько раз останавливаться, обниматься и обмениваться свежими новостями.

Если Палыч выглядел спокойным, то его заместитель и руководитель проекта Игорь Савельев рвал и метал с утра пораньше. Что есть мочи он распекал видеооператора Рому, талантливого специалиста в своей области, но полного дилетанта в рекламном деле.

- Ну, чего ты мне наснимал, а?! - орал Игорь так, что аж стены тряслись.

- А чего?.. Ты видел, какая она? Я таких фотогеничных еще не встречал, так и просится на обложку журнала, - отвечал Рома, охваченный творческим экстазом.

- Да мне-то что с этого?! Пусть хоть на всех обложках красуется! Мне нужна витрина магазина, а не симпатичная мордаха!

- Игорь, ну какая витрина, когда вокруг такие женщины ходят? - рассмеялась сидящая рядом Зина - одаренный дизайнер и хохотушка, тайно влюбленная в Рому. Так тайно, что об этом знали все в отделе.

- При чем тут это? - возмутился Рома, грозно уставившись на Зину. - Я же художник и не мог проигнорить такую красоту.

- Так все! Дуй, давай опять в магазин и сними мне витрины, понял? Да чтобы просматривалась колбаса на них, а не морды покупателей. Художник, мать твою, - сплюнул Игорь, а Зина еще громче рассмеялась.

- Сними колбаску для глянцевой обложки, - пропела она, игриво глядя на Рому, а тот в сердцах схватил камеру и выбежал из кабинета, хлопнув дверью.

- День только начался, а я уже устал. Привет. - Игорь наклонился и поцеловал Милану в щеку. - Как оно сегодня?

Он опустил на стоящий рядом с ее стул, облокотился на стол и закрыл ладонями лицо, картинно вздыхая.

- Получила заряд бодрости с утра пораньше, - улыбнулась Милана, намекая на сцену, свидетелем которой только что стала. Правда тут же вспомнила ссору с Олегом и загрустила.

– Да... понабрали тут дилетантов, а ты обучай их.

Милана понимала, о чем он. Такая проблема действительно существовала. Все, за исключением Палыча, Игоря и ее, не обучались специально рекламному делу. Дизайнеры, художники, операторы составляли творческий костяк фирмы, но совершенно не разбирались в рекламном бизнесе как таковом. И так было везде. Ни в одной другой фирме не существовало специалиста по рекламе, который бы обладал необходимыми творческими способностями. Это самый распространенный парадокс в их деле. Поэтому так необходимы руководители творческих проектов – высококвалифицированные специалисты, знающие и умеющие в рекламе все, каким и являлся Игорь.

– Только ты меня понимаешь, – вновь вздохнул он, приваливаясь лбом к ее плечу.

– Как и всех остальных. Чего это ты разошелся с утра пораньше? – поинтересовалась Милана.

– Да Палычу влетело за нас, что срываем сроки с этим магазином, будь он неладен. Мелочь, а досадная, блин!..

– Да? – Милана посмотрела в сторону «каморки папы Карло», как они называли стеклянную комнату, где Палыч продолжал умиротворенно попивать чай, и пожала плечами: – Не выглядит он расстроенным.

Игорь проследил за ее взглядом и рассмеялся:

– Это да... всем бы выглядеть так после нагоняя бульдога.

Бульдогом они называли директора фирмы за его железную хватку и многолетний опыт в рекламном деле.

– Надеюсь, на совещании он не станет упоминать при всех этот несчастный магазин? Кстати, о птичках, пойду-ка напомним Палычу, что совещание через десять минут. Пора заканчивать с чаепитием.

Игорь ушел, а Милана в который раз подумала, глядя ему вслед, что красивый он мужик и женщинам нравится безмеры, но до такой степени помешанный на своей

работе, что не замечает никого вокруг. Вон Вера – монтажер, второй год по нему сохнет, а он хоть бы хны.

Она посмотрела на Веру, та как раз провожала своего кумира взглядом. Не успела вовремя среагировать и отвернуться. Вера, заметив интерес, уже направлялась к ее столу.

– Привет, как дела? – спросила она, усаживаясь на стул, с которого только что встал Игорь.

– Как обычно, вяло, – улыбнулась Милана.

– Что так? Со своим поссорилась?

С Верой они сдружились, как только Милана устроилась на работу в эту фирму. Вера уже трудилась в ней год и помогла быстро освоиться Милане. Ей нравилась эта общительная девушка, правда иногда она уставала от ее болтливости и рассказов о себе. Причем многие вещи та пересказывала по нескольку раз. Про ее семью Милана знала уже все, до мельчайших подробностей.

– Слушай, он случайно про меня не спрашивал? – неуверенно спросила Вера и покраснела.

– Ну, когда ему?.. Видишь, с чем приходится сражаться?

Милана пыталась оправдать невнимание Игоря, который тоже стал ей настоящим другом. Но разве она могла? Временами чувствовала усталость, что подруга так донимает ее им. Она же не сводня. И потом, как можно человека заставить на кого-нибудь обратить внимание, если он в упор отказывается замечать этого кого-то?

– Вер, ну хочешь, я поговорю с ним? – предложила Милана, видя мучения подруги и сочувствуя всем сердцем.

– Да ты что?! Даже не вздумай! – обиделась Вера. – Может я и не супермодель, но тоже не лишена мужского внимания. И так я не хочу...

– Хорошо, как скажешь... Слушай, а как там твой племянник? – решила она сменить тему. – Он же, по-моему, одиннадцатый заканчивает?

– Да ну его, оболтуса, – снова загрустила Вера. – Совсем скатился до двоек. Еще и класснуха ихняя из всего класса выбрала самых отстающих и задала сочинить речь к последнему звонку. Воспитательный момент, так сказать. Он теперь целыми днями таскается за мной, чтобы я ему сочинила. Нашел, тоже мне, писательницу. Слушай... – Она уставилась на Милану, не мигая.

Такая реакция Веры совсем не понравилась. Милана уже была не рада, что завела разговор о ее племяннике.

– Помоги, а? – приглушенно затараторила подруга, вцепившись в локоть Миланы. – Ты же у нас мастер экспромта, литературный гений. Накидай что-нибудь?

– Вер, я же не по этой части...

– Да, тебе ничего не стоит, я знаю. А он хоть отстанет от меня. Давай, прям сейчас, а? А то потом забудем.

Вера деловито выхватила лист бумаги из пачки и положила перед Миланой.

– Пиши, особо не старайся.

Ну что тут поделаешь? Если Вера вбила себе что-то в голову, то себе дороже спорить с ней. И хоть стихи не по части Миланы, подругу это вряд ли смутит. Пришлось настраивать мозг на мышление старшеклассников, вспоминать, как когда-то это происходило с ней самой. Оболтус, учится не совсем плохо, но и звезд с небес не хватает. Если представить себе, что она – это он, какие строки приходят на ум? А никакие не приходят, потому что Милана уже и забыла, каково это – быть старшеклассницей. И стихи сочиняла последний раз тогда же, в школе. Все как один по любовь, а не про учебу. Но Вера ждет и с такой надеждой смотрит на нее, что что-то выдать, да придется.

Милана взяла ручку и быстро записала два четверостишья, первые, что пришли в голову:

Каждый раз, меняя расписание,

Приходил к нам завуч в класс,

Пугал всегда он обещаньем,

На всех уроках быть у нас

Ему мы «благодарны» были,

И лишь бы гнев его унять,

Усердно все подряд учили,

Мы на одну оценку – пять!

– Я вижу это как-то так. – Она подвинула листок к Вере.

Та вчиталась в написанное, потом громко захлопала в ладоши и полезла обниматься. В итоге еще и рассмеялась на весь отдел, так что в их сторону повернулись все, на время забыв о работе.

– Ланка, ты гений! Представляю, что будет, когда двоечник заявит такое со сцены во всеуслышание.

– Да тише ты, – шикнула на нее Милана. – На нас все смотрят.

– И что? Стесняешься своей одаренности?

– Да отстань ты! И иди уже работай!

В обеденный перерыв в отдел заглянуло солнце. Примерно с таким эффектом Милана сравнивала появление Олега. Он заходил за ней по-царски

величественно, держа осанку и гордо неся голову начальника коммерческого отдела. Одновременно настроенный снисходительно ко всем, кого считал ниже себя. Если с Палычем и Игорем здоровался на равных, то с остальными нарочито панибратски, крепко пожимая руку и похлопывая по плечу. Женская половина отдела, почти в стопроцентном составе, смотрела на Олега с обожанием. Мужчины считали его авторитетным человеком и талантливым руководителем, но относились с недоверием.

За три года совместной жизни Милана успела неплохо изучить характер Олега. Ему крайне важно, чтобы все вокруг его любили. Поэтому он тщательно изобретал тактику поведения с людьми. Пожалуй, единственным человеком, с кем он позволял себе оставаться самим собой, была Милана. До поры до времени она гордилась его естественностью, пока не поняла, что в ней мало привлекательного. И все же продолжала закрывать глаза на недостатки, считая, что большинство из них – плоды ее придирок.

– Составишь мне компанию за обедом? – Он подошел к ней сзади, перегнулся через плечо и по-хозяйски поцеловал в губы.

В памяти еще свежо его утреннее поведение, и осадок от ссоры никуда не делся, но обнажать чувства на публике Милана не привыкла, поэтому молча взяла сумку и последовала за Олегом.

– Все еще дуешься? – спросил он. – Планируешь весь обед просидеть за столом молча, ковыряя вилкой в салате? Может, помиримся, зая? Прости меня, пожалуйста. Я был свиньей.

Так, как Олег, никто не умел извиняться. Наверное, именно за это качество она его полюбила когда-то. У него это получалось особенно нежно.

Он взял ее руку и уткнулся лицом в ладонь, а потом пощекотал языком. Милана не выдержала и засмеялась. Лед сломан.

– Перестань, щекотно же. – Она отдернула руку, не переставая смеяться.

– Не представляешь, какая ты сейчас красивая, и как я хочу тебя, прямо здесь...

Как раз это она могла себе представить, зная его любовь к экзотике.

– Тебе так идет эта блузка, она ничего не скрывает, кажется, что ты нагая, – продолжал он.

Правда, что ли? Милана испугалась и осмотрела свой наряд. Обычная бежевая блузка. Ну, просвечивает немного, но не до такой же степени. Лишь увидев притворно-злодейскую улыбку на лице Олега, поняла, что он прикалывается.

– Злодей! Напугал меня, – замахнулась она салфеткой, чувствуя, как плохое настроение рассеивается, и что-то теплое рождается в душе. – Я ведь даже в зеркало на себя не посмотрела перед выходом. И все из-за тебя.

– Вот! – Он поднял вверх указательный палец. – Именно поэтому я планирую загладить вину и приглашаю тебя в театр, в субботу. – Он достал из нагрудного кармана какие-то бумажки и протянул ей.

Бумажки оказались билетами на спектакль одного актера, как Милана любила. Ей почему-то доставляло истинное удовольствие наблюдать, как может один человек столько раз перевоплощаться. Олег смеялся над ее вкусами и называл не от мира сего. Тем приятнее стало, что он взял билет именно на такой спектакль.

Глава 4

Алексей не любил выходные. Может, потому что отвыкал от них, работая пять дней в неделю по двенадцать часов, а возможно, в эти дни ему становилось банально скучно. Он с самого начала договорился с Виктором о таком графике. В субботу и воскресенье его подменяет повар-практикант из училища. Собственно, от желающих подработать студентов-поваров отбоя не было. Алексея вызывали, если планировалось ответственное мероприятие, когда требовались навыки профессионала.

Лиза уже встала, как обычно не заботясь о тишине в квартире. Умывалась эмоционально-шумно, переставляя банки склянки на стеклянной полке в ванной,

кофе заваривала, напевая какую-то песенку, а потом старательно шаркала по паркету к своему рабочему столу, чтобы насладиться кофе за работой. По характерному шуршанию бумаг Алексей понял, что она с утра пораньше засела за диссертацию. Неизменно его поражала ее тяга к знаниям – она умудрялась совмещать работу в институте, учебу в аспирантуре и кропотливое написание кандидатской диссертации дома. Иногда он даже завидовал микробиологии, способной порождать такие сильные чувства.

Он перевернулся на другой бок и посмотрел на заваленный бумагами и книгами стол в углу комнаты. Макушка Лизы то появлялась на поверхности, то снова ныряла вглубь ученого хаоса. Иногда до Алексея доносилось бормотание, из которого он не понимал ровным счетом ничего. Потом она принималась стучать по клавиатуре компьютера, и получалось это у нее особенно громко. Она так жала на клавиши, словно верила, что от силы нажатия зависит качество отображаемой на экране буквы. Ее манера печатания напоминала выстукивание азбуки Морзе. Поначалу это Алексея забавляло, а в такие моменты, как этот, слегка раздражало. Все же, Лиза могла бы и побольше считаться с его желаниями, а сейчас он больше всего хотел подремать еще пару часов.

Единственная комната в квартире Алексея служила всем сразу. Благо размеры позволяли, и он разбил ее на функциональные зоны. С появлением Лизы, в комнате нашлось место и для «рабочего кабинета», где она проводила основную часть свободного времени. Алексей же больше всего любил зону сна. В выходной он мог полдня проваляться в постели, слушая музыку или читая книги, хрустя страницами свежей прессы или просто размышляя о чем-то. Вообще он считал, что те, кто не позволяют себе спать вволю, когда есть такая возможность, не умеют отдыхать.

– Проснулся, лежебока? – донеслось из «профессорского угла». – Сейчас принесу тебе кофе.

– Как движется работа? – в свою очередь поинтересовался Алексей. Он ничего не смыслил в микробиологии, но верил, что Лиза занимается полезным делом.

– Да, тухло. Никак не могу найти нужный материал.

Она встала из-за стола, энергично потянулась и побежала на кухню. Именно побежала, а не пошла. И куда только подевались тапочки, которыми она так

громко шаркала. Теперь Лиза шлепала по полу босыми ступнями. Складывалось впечатление, что тапочки для нее служили исключительно утренним атрибутом одежды. Иногда Алексею казалось, что ходить Лиза в принципе не умеет. Даже на улице, когда они гуляли, она все порывалась куда-то бежать, и ему приходилось тормозить ее, заставляя идти рядом. Вот и сейчас он наблюдал, как она быстро перебирает босыми ногами, путаясь в полах его банного халата. Надевать его по утрам тоже уже вошло у нее в привычку. В какой-то момент Лиза наступила на пояс и чуть не упала. Алексей невольно зажмурился от страха за нее. В этот момент она как раз несла ему кофе на подносе, ну и конечно же, он здорово расплескался. Но на такие мелочи она не обращала внимания.

Алексей прихлебывал из чашки, стараясь не замечать, что капает на поднос. Он тайком разглядывал Лизу. Она забралась с ногами на кровать и уселась по-турецки. Русые волосы собраны в пучок с торчащим из него карандашом, невыразительные с поволокой карие глаза щурятся, потому что очки сползли с переносицы, и глядит она поверх них. О чем она думает, разглядывая ничем не примечательную стену с бежевыми обоями, беззвучно шевеля губами и тарабаня пальцами по коленкам? Ее мысли для него всегда оставались потемками, возможно, потому что она редко их озвучивала. Таких странных женщин он не встречал раньше. Она всегда оставалась для него загадкой. И даже за время совместного проживания он не узнал ее лучше.

Про таких, как Лиза, люди обычно говорят «странная». Алексей чуть не рассмеялся, вспомнив, как знакомил Лизу с отцом. Это произошло случайно, они встретились с ним в торговом центре, в магазине мужской одежды. Пришли туда покупать Алексею куртку. Там же отец выбирал себе перчатки. Когда тот рассматривал Лизу в пестрой вязаной шапке с выбивающимися из-под нее волосами, короткой дутой куртке непонятного цвета, чем-то отдаленно напоминающего хаки, и длинной бесформенной юбке, из-под которой выглядывали массивные ботинки, выглядел так, словно увидел редкую букашку. Себя Алексей не считал образцом элегантности, предпочитая спортивный стиль в одежде, но как может женщина до такой степени не обращать внимания на то, во что одета, и вообще на свою внешность, не понимал. Не понял этого и отец, брезгливо пожимая протянутую руку с обкусанными ногтями. Вечером позвонил Алексею и высказал свое мнение. Напоследок заявил, что перестанет с ним общаться, если он решит связать свою судьбу с Лизой.

Алексей понимал, что отец несерьезно поставил ему ультиматум, но и на то, что тот изменит отношение к Лизе, не рассчитывал. Он сам не разобрался еще,

какие чувства испытывает к этой женщине-ребенку. Ему нравилась ее непосредственность, но она же, граничащая с неряшливостью, выводила порой из себя. Особенно раздражал тот факт, что с самого начала Лиза оккупировала его кухню, заявив, раз он готовит на работе, то дома этим будет заниматься она. При этом она умудрялась до такой степени ее забардачить, что Алексей, считающий чистоту и порядок на кухне залогом здоровья, практически перестал на нее заходить.

Еще он удивлялся, как непосредственность может ужиться с обидчивостью. При явной ненаблюдательности Лиза умудрялась все время усматривать что-то оскорбительное в его словах и жестах. Дошло до того, что Алексей старался разговаривать с ней как можно реже, так она и на это частенько обижалась. Вообще, дуться так как это делала она, с особым смаком, больше не умел никто. Будучи обиженной, она могла не разговаривать с ним неделю. Впрочем, на примирение, как правило, первой тоже шла она.

– Лиз, – позвал он, выныривая из собственных мыслей, – а ты хотела бы родить ребенка?

Сам не понимал, зачем спросил. Испугался, что последует очередная обида, увидев ее удивленные глаза поверх очков. Но после непродолжительного разглядывания его, Лиза громко рассмеялась.

– Ты что?! Нет, конечно! Какие дети? У меня такие грандиозные планы!..

Развивать тему он не стал, резко пропало желание. Его место заняло раздражение – что за мысли лезут в голову с утра пораньше!

А он хотел детей? К этому вопросу Алексей относился, как к жизни в целом, оставляя все на волю случая. И сейчас, глядя на симпатичную, но до ужаса нелепую женщину, вдруг отчетливо осознал, что хочет детей, но только не от нее.

Она, как видно, вообще не собиралась больше об этом думать, подскочила на кровати, подползла к нему на коленках, поцеловала в губы, расплескав остатки кофе, и заявила:

– Хорош сидеть без дела! Как говорил мой папа, лучший отдых – это смена вида деятельности. Меняем умственный труд на физический.

С этими словами она спрыгнула с кровати и принялась скатывать пушистый ковер, разделяющий зону отдыха от гостиной.

– Что ты делаешь? – он не понимал ее намерения, а потому заранее насторожился. Что еще она придумала, чтобы он не дай бог не заскучал в свой выходной?

– Собираюсь пойти на улицу и выбить ковер. Мы дышим пылью...

– Какой пылью, Лиз? И зачем его выбивать? Есть же моющий пылесос.

– И что? Пылесос не лучше обычной выбивалки!

– Которой у меня нет...

– Тоже мне проблема. Возьму у соседки, я видела, как она колотила вчера дорожки.

Лиза уже свернула ковер и тащила его по полу в коридор. Рулон был длиннее ее в два раза и весил, наверное, во столько же больше. Вот же, упертая! Алексей тяжело вздохнул, поваляться в постели сегодня явно не получится.

– Там дождь моросит, – предпринял он последнюю попытку, бросив взгляд на хмурое небо и стекло окна в редких каплях.

– Моросит же, не льет. Вот тебе и моющий пылесос, – натужно рассмеялась она уже из коридора.

Иногда ему казалось, она ведет себя так намеренно, пользуется отсутствием сопротивления с его стороны. Не могла же она не знать, что элементарно не сможет поднять ковер и вытащить на улицу, и Алексей будет вынужден присоединиться к ней, подоспеть на помощь. Что это? Хваленая женская хитрость или отсутствие гибкости ума вкупе с непонятной наглостью? В такие моменты он сильно раздражался и соглашался с отцом, что эта женщина ему не

пара. Правда потом быстро успокаивался, когда она, видя его раздражение, начинала активно подлизываться. Дело обычно заканчивалось близостью, и от раздражения Алексея не оставалось и следа.

- Слушай, может, сходим в театр? – крикнул Алексей.

Он сидел в кресле и читал газету, когда они все-таки выбили ковер и вернулись домой. Лиза хлопотала на кухне, занятая обедом.

- Ты хочешь? – выглянула она из кухни перемазанная мукой. Интересно, что она готовит? – Что за спектакль?

- «Тысяча девятисотый», по пьесе Алессандро Барикко, с Меньшиковым в главной роли, собственно, и единственной.

- Моноспектакль, что ли? – скривилась она. – И тебе нравится такая ерунда?

Нравилось ли ему? Скорее да, чем нет. Но дело даже не в том, что это спектакль одного актера. Алексею захотелось посмотреть, как удастся Меньшикову передать характер пьесы, которую он читал не так давно. Она потрясла его до глубины души. Легенда о подкидыше, что вырос на корабле и стал великим музыкантом, ни разу не сойдя на сушу. Он пошел на дно вместе с судном, которое признали непригодным к плаванию и взорвали. После прочтения пьесы Алексей понял простую вещь – гениальному художнику, обладающему интуицией и чувствительностью, не нужен жизненный опыт, как этому подкидышу со странным именем – Тысяча Девятисотый.

- Да, нравится, – ответил он скорее себе, но Лиза услышала.

- Хорошо, пойдем, – прокричала она с кухни. – Во сколько спектакль?

- В семь.

Он настоял, чтобы в театр она оделась нормально – красиво и женственно.

- Хорошо. Ради тебя я даже вставлю линзы, хоть и терпеть их не могу, – согласилась Лиза.

Алексей смотрел на высокую стройную женщину в маленьком черном платье выше колена, туфлях на каблуке, гладкими прямыми волосами до лопаток и думал, может же выглядеть прилично, когда хочет. Странно, что обычно она к этому не стремится.

В театре было, как обычно, людно. На входе они приобрели программки, а у гардеробщицы – бинокли. Места им достались в партере, билеты они купили непосредственно перед спектаклем. Благо, не премьеры, и им хватило билетов.

В зале пахло духами и декорациями. Как же он соскучился по особенной атмосфере театра! И почему в последнее время так редко посещает такие места? От этих мыслей невольно взгрустнулось. Он вдруг подумал, что жизнь зашла в тупик по непонятным причинам, и нужно что-то менять. Но как и, главное, что? Ведь эту жизнь построил именно он. Значит, к такому он и стремился. Или все же нет?

Лиза уверенно лавировала между рядами в поисках нужных мест, словно посещала театр раз в неделю, не реже. Алексей задумался, что в сущности ничего о ней не знает, кроме того, что она сама захотела рассказать. Самое странное, интересоваться подробностями ее жизни не возникало особого желания.

До начала спектакля оставалось несколько минут. Алексей бесцельно шарил по залу глазами, подмечая выражения лиц зрителей, их жесты, как одеты... Он любил коротать время, отводя его наблюдениям. Лиза читала программу с таким видом, словно это бестселлер или трактат по микробиологии.

Взгляд Алексея лениво скользнул с партера на ложу. Невольно подметил разницу в достатке, иллюстрируемую мехами и драгоценностями на украшавших ложу дамах. А потом его сердце пропустило удар, чтобы следом забиться с удвоенной скоростью. Он забыл обо всем, заметив ЕЕ рядом с импозантным блондином, по-хозяйски обнимающего ее за плечи. Руки непроизвольно сжались в кулаки и зачесались от острого желания пустить их в ход. Разве кто-то смеет находиться так близко от нее? Та, кого он привык считать только своей, сейчас напоминала раскрашенную, расцвеченную копию той, которой он любовался в ресторане. Алексей во все глаза смотрел на ее лицо и то, как она улыбается своему спутнику. Ему нравилась ее грусть, но сейчас, впервые встретившись с ее улыбкой, он понял, что не видел ничего прекраснее в жизни. Легкая, едва

приоткрывающая ряд белых и ровных зубов, она преображала лицо до неузнаваемости. Из глаз исчезла так хорошо знакомая печаль, на щеках заиграл легкий румянец. Ее словно кто-то подсветил изнутри, отчего она стала еще красивее.

Спутник наклонился и что-то шепнул ей на ухо. Она коротко рассмеялась, запрокинув назад голову. И в этот момент Алексею показалось, что он умирает. Такую бурю восторга испытал от простого человеческого смеха. Нет, не простого. Это же смеялась она – его богиня.

– На кого смотришь? – Лиза приложила бинокль к глазам и посмотрела в сторону ложи. – Да, красивая женщина. Я бы сказала шикарная и неприступная. И мужчина рядом тоже ничего, – повернула она голову чуть правее.

Как четко она ее охарактеризовала. Незнакомка выглядела именно неприступной, возможно, поэтому он ничего не позволял себе, кроме как любоваться ею издали. А сейчас он и вовсе увидел ее словно другими глазами.

– Это твоя знакомая? – вновь спросила Лиза.

– Видел пару раз в ресторане. – Алексей решил не скрывать правды, как и рассказывать ее всю. Почему-то кольнуло что-то неприятно – Лиза не должна была становиться свидетельницей их встречи. Да и он в какой-то момент забыл, что находится в заполненном зале театра.

Медленно погас свет. Одновременно занавес плавно пополз вверх, открывая декорации. Алексей заметил, как она с любопытством повернулась к сцене и положила руки на парапет. Это выглядело так естественно, словно она родилась специально, чтобы ходить по театрам и украшать собой владения Мельпомены.

Заиграл оркестр, и на сцене появился Олег Меньшиков. Краем глаза Алексей видел треугольный помост, врезающийся в авансцену, имитирующий нос корабля, колышущийся белый парус, подвешенный рояль, создающий ощущение качки... Он даже не понимал, хорошо или плохо Меньшиков рассказывает историю про подкидыша, перевоплощаясь поочередно в разных людей. У него был свой спектакль. Как зачарованный Алексей наблюдал за сменой эмоций на ее лице. Замечал, как временами увлажняются глаза, и она борется со слезами, усиленно моргая и трогательно покусывая губы. Он вздрагивал вместе с ней от

неожиданного действия на сцене, волновался, захваченный ее волнением, и замирал от наслаждения, ловя улыбки, срывающиеся с ее губ.

В антракте она не покинула ложу, хотя Алексей явно видел, как спутник зовет ее куда-то. В итоге он ушел, а она осталась ждать его и продолжения спектакля.

Лизе приспичило перекусить, и она тоже умчалась в кафе. В этот момент Алексею почему-то показалось, что они остались одни в зале, что все люди исчезли. Он еще ни разу не встречался с ней взглядом, и, наконец, это произошло. Она посмотрела на него. Всего на мгновение задержала на нем взгляд, скользящий по залу. И он не выдержал – первый отвел глаза, словно она застала его на месте преступления. А после, как ни старался окунуться в молочный шоколад ее глаз, она уже смотрела в другую сторону.

– Ты весь спектакль смотрел на ту женщину, – неожиданно сказала Лиза, когда они возвращались домой. – Тебе она нравится?

Алексей крепче сжал руль от досады. Обсуждать эту тему не собирался, как и придумывать отговорки.

– Такие женщины нравятся всем, – ответил он, намекая на закрытие темы.

– Это да... – лениво протянула Лиза, откидываясь на спинку сидения и закрывая глаза. – Но некоторым они нравятся особенно.

В этот момент Алексей понял, что Лиза догадалась о его чувствах к этой женщине. И еще понял, что наступил момент, когда ему нужно с ней расстаться. Он вдруг осознал, что у них с Лизой нет ничего общего, и самое интересное, что она тоже это знает. Такой симбиоз рано или поздно может привести к грандиозной ссоре, когда люди расстанутся врагами. А к этому он точно не стремился.

– Спасибо за подарок. Мне очень понравился спектакль. Меньшиков играл виртуозно. – Милана прижалась к Олегу и поцеловала его в губы.

Они выходили из театра, и она плотнее закуталась в тонкое манто из стриженной норки, взяв Олега под руку. К ночи похолодало. Видно весна решила, что слишком рано начала баловать людей теплом.

– Подожди здесь, я подгоню машину, – сказал Олег, оставляя ее под навесом у входа в театр. Сам отправился на стоянку.

Милана смотрела вслед своему мужчине и не понимала, почему ей так грустно. Понятно, что история восторженного пианиста растрогала до глубины души. Он так и не узнал, что кроме музыки и корабля в жизни есть много чего интересного. Печально до боли в груди. Она даже заплакала в конце спектакля, когда поняла, что он погиб, а не сошел каким-то чудом на берег. Гениального Тысяча Девятисотого она будет помнить еще долго. Но сейчас с ней творилось что-то иное. Грусть, что переполняла душу, вызвали не спектакль или впечатления, послевкусие от него. Это не носило временный характер, когда переживаешь до тех пор, пока кто-то или что-то не развеет плохое настроение, не развеселит тебя, и все вернется на свои места. Ее грусть сидела глубоко внутри, словно пряталась до поры до времени. И вот в какой-то момент она решила проявиться, напомнить о себе, заставить желать человеческого тепла. Но ведь у нее есть Олег. Потому Милана и потянулась к нему. И, как всегда, разочарование не заставило себя ждать, опуская ее с небес на землю. Олег, как обычно, не понял ее стремления, расценил порыв, как жест благодарности за билеты на спектакль. Обидно до слез. Но если она сейчас заплачет, то непонимание Олега только возрастет, и ее эмоциональность в его глазах превратится в истеричность. В итоге, вечер будет испорчен, чего она точно не хотела.

Мимо проходили люди. Кто-то смеялся, некоторые бурно обсуждали спектакль, делились впечатлениями. Милана стояла одна, и казалось, ожидание затянулось, или время замедлило ход.

С ней поравнялась пара. И Милана вряд ли обратила на них внимания, если бы девушка случайно не задела ее плечом и не извинилась. Симпатичная, – мелькнуло в голове. Парень оглянулся, и она встретила с ним глаза. Всего лишь на долю секунды, но этого хватило, чтобы что-то смутно знакомое почудилось в его взгляде. Знакомое и забытое... Милана не успела рассмотреть

его как следует, он сразу же отвернулся, но чувство дежавю осталось. И это тоже показалось странным, нереальным. Вообще, весь вечер ей теперь казался нереальным. Возможно, так все же на нее подействовал спектакль, и сейчас она словно видела себя со стороны, или все происходящее с ней было во сне. Голова приятно кружилась, совсем чуть-чуть, в ногах поселилась едва уловимая слабость, а по телу разлилась дремотная нега... Точно, как во сне. И Милана не помнила, когда испытывала подобное в последний раз. Было, конечно, но очень давно, сейчас казалось, что в прошлой жизни.

Наконец подъехал серебристый ауди, и она окунулась в тепло салона. Переживания остались за его пределами, рядом находился родной и привычный человек. Сразу же исчезла сонливость, и жизнь заиграла привычными красками. Милана потянулась к Олегу и обняла его за шею. Снова захотелось плакать (дурацкая сентиментальность!), и она всхлипнула, не удержалась.

– Ну-у-у, ну... ты чего это надумала? – Олег похлопал ее по руке, пытаюсь заглянуть в лицо. – Больше не буду водить тебя на такие спектакли. Ты их принимаешь слишком близко к сердцу.

– Да все нормально, – опять всхлипнула она и потерлась носом об его манто, поздно сообразив, как он этого не любит. Милана отстранилась и потянула ремень, чтобы отвлечься и пристегнуться. – Я спокойна.

Все же краем глаза заметила, как он отряхнул то место, о которое она только что потерлась. Ладно, хоть промолчал, хватило такта.

– Поехали, поужинаем где-нибудь? – весело предложил Олег.

Почему-то вспомнился «Серенада» с уютным залом, приглушенной музыкой, вкусными запахами. Но это место только ее, она не собиралась впускать туда Олега. Не хотелось ехать еще куда-то, но и уговаривать его поужинать дома – бесполезное занятие. Олег терпеть не мог ее стряпню и не скрывал этого, подкалывая время от времени. Она уже даже научилась не обижаться. Скорее, не обращала на это внимания. Поэтому и сейчас ограничилась коротким «как скажешь».

Он выбрал помпезный ресторан в центре Москвы с баснословными ценами и до блеска вышколенным персоналом. Милана не считала, что они могут позволить

себе подобную роскошь, но никогда не спорила, зная, что в показушности заключается большая часть натуры Олега. К этому она тоже уже привыкла. Если и раздражалась, то по инерции и молча.

Еще один скучный вечер в дорогом ресторане. Особенно огорчало, что это субботний вечер. Его же можно провести дома, окружив себя уютом. Просто поваляться на диване с книжкой или посмотреть телевизор, забравшись с ногами в кресло. Можно даже организовать романтический ужин на двоих и откупорить бутылку коллекционного вина. А не показывать чудеса этикета, правильно удерживая вилку с ножом, как она вынуждена делать сейчас. Но Олег доволен, а она должна немного потерпеть. Каких-то пару часов, а потом ее ждет дом – их с Олегом дом.

Конечно же, ее огорчало, что они такие разные, и массу вещей, которые нравятся ей, он терпеть не может. Интуитивно она частенько отказывала себе в простых человеческих радостях, таких, например, как поход в зоопарк или катание на каруселях, в попытке угодить ему. За три года таких отказов накопилось прилично. Их груз стал давить на нее и требовать, чтобы она хоть частично удовлетворила свои желания. И сейчас Милана предприняла очередную попытку.

– Олег, – позвала она, оторвав его от созерцания певицы, которая заунывно «тянула» что-то джазовое с маленькой сцены. – Давай завтра сходим в зоопарк?

– Что? – Он непонимающе уставился на нее. – Куда сходим?

– В зоопарк.

– Зая, а что мы там будем делать? – неподдельно удивлялся он.

– Ну, что люди делают в зоопарке? Смотрят на зверей, едят сладкую вату, гуляют... Давай вообще завтра весь день прогуляем, а? Погоду обещают хорошую.

Он нахмурился, и на лице его проступило упрямое выражение. Такое начало разговора не внушало ничего хорошего.

– И ты забыла, что по воскресеньям я хожу в тренажерку? – заговорил он, как застучал судейским молотком. Откуда только взялась эта сталь в голосе? – А потом у меня сауна с нужными людьми... И ты хочешь, чтобы вернувшись уставшим под вечер, я еще поперся в какой-то зоопарк?

Милана украдкой вздохнула и отвела взгляд от Олега. Она хотела хоть один день провести с ним, как случается с нормальными парами. Но, похоже, это желание, как и многие другие, из разряда невыполнимых.

– Ладно, забудь. Это я так, – она отвернулась, принялась рассматривать певицу. Не хотелось видеть его лицо, которое, Милана знала это точно, вмиг преобразилось выражением удовлетворенности.

Тогда она будет спать до обеда, назло всем врагам! А потом еще до вечера просто валяться в постели, хэвэлайнить. Это было ее собственное выражение еще с детства, происходило от английского have a lie – валяться в постели. Хоть так, да позлит его, потому что точно знает, насколько он не переваривает, когда кровать весь день разобрана, а не застелена аккуратненько покрывалом и не ждет ночи. Может, на ее счастье, у него хоть раз возникнет желание заняться с ней любовью традиционным способом.

Не зря в народе говорится – свежо предание, да верится с трудом. Милана лишний раз получила подтверждение народной мудрости и собственной недалёковидности. В половине девятого утра, в воскресенье, Олег разбудил ее поцелуем и словами:

– Зая, я в спортзал, а к тебе у меня будет одна просьба...

– Какая? – Так не хотелось просыпаться, мозг категорически отказывался воспринимать информацию, поступающую извне. А глаза не желали открываться, и зевота не заставила себя ждать. Милана только собиралась перевернуться на другой бок и мысленно послать Олега куда подальше, как замерла от его следующей реплики.

– Покумекай, пожалуйста, над программой... Я там все документы по заказчику оставил на столе. Посмотришь?

– Тебе когда это нужно? – уточнила Милана, все же отворачиваясь, с твердым намерением проспать еще не меньше трех часов.

– К утру.

– Как к утру?! – Она села в кровати, ошарашенная известием. Сон, как рукой сняло. – И ты говоришь об этом только сейчас?!

– Ну, зая, впереди же целый день, ты все успеешь...

– Олег, там работы на целый день. Или ты сам уже часть сделал?

– Ну, честно говоря, я пытался, но постоянные запарки на работе и после так отвлекают. Хотел поработать вчера вечером, но мы пошли в театр. В общем, придется делать практически с нуля.

Милана внимательно, до рези в глазах, смотрела на него, пытаясь разглядеть хоть чуточку стеснения или угрызений совести. Он взваливает на нее свою работу, которая требует массу времени и сил! Кроме того, даже не оставляет выбора, возможности отказаться. На все про все один день. Скорее всего, он с самого начала не планировал готовить программу сам. Непонятно только, почему не попросил ее заранее, как делал обычно. Почти все презентационные программы готовила ему она, но никогда раньше он не припирал ее к стенке сроками. И самое обидное, что ей придется потратить на это свой выходной, на который она так рассчитывала.

Так больше продолжаться не может, не должно. Конечно, она в очередной раз поможет ему, сделает за него работу, поставит очередную галочку в списке его личных достижений. Но на этот раз она не хочет и не может молчать. Милана решительно откинула одеяло и свесила ноги с кровати. Она уже открыла рот, чтобы произнести гневную и воспитательную тираду, которая... так и осталась невысказанной. Если Милана и желала что-то сказать, то слушать в планы Олега не входило. Он равнодушно поцеловал ее в лоб, махнул рукой и со словами «если что, я на связи» ретировался.

Так и получилось, что все воскресенье она провела за компьютером, komponуя необходимую подборку, изучая специфику работы, составляя грамотный конспект речи, в общем, делая все возможное, чтобы завтра Олег смог убедить

заказчика обратиться за рекламой именно в их фирму. И главное, злиться на него бесполезно. Откажись она потратить на это весь день, пострадает их общее дело.

Видно все-таки угрызения совести слегка мучили Олега. Вечером он заявился с букетом роз и бутылкой вина, в полной уверенности, что она отлично справилась с работой. Она и справилась, но какой ценой! Целый день просидела перед компьютером. Даже на обед прервалась всего на несколько минут, лишь бы успеть закончить подборку. Он об этом не подозревал, да и не хотел.

– Устала, моя малышка? – приторно-ласковым голосом заговорил Олег с порога, протягивая ей цветы.

Ответить Милана не сочла нужным. Молча взяла букет из его рук и отправилась на кухню. Да, она устала, вымоталась. И спрашивать об этом было верхом наглости. Да ей даже смотреть на него неприятно, на такого довольного. В отличие от нее, он свой выходной провел отлично, сразу видно!

Не успела Милана поставить цветы в вазу, как на кухню вошел Олег. Без лишних слов он прижался к ней со спины и принялся развязывать пояс шелкового халатика.

– Олег, не надо, – слабо сопротивлялась Милана, чувствуя его горячие руки на своем животе. Халат уже устилал пол у их ног.

– Надо, зая, – легонько куснул он ее в шею, одновременно сжимая грудь в ладонях. – Надо. Любимому мужчине нельзя отказывать. Особенно, когда он так хочет любимую женщину.

С этими словами Олег развернул Милану лицом к себе и поцеловал в губы. От него пахло спиртным, и поцелуй Милане не доставил даже толику удовольствия. Благо, закончился он довольно быстро. Олег подхватил ее на руки и вынес с кухни. Мелькнула мысль, что он направляется в спальню, но не тут-то было. Путь его лежал в гостиную.

– Олег, я ужасно устала, – предприняла Милана очередную попытку освободиться от него.

– Вот сейчас и расслабишься, – пропыхтел он, опуская ее на пушистый ковер у камина и придавливая собственным телом.

Милана обреченно смотрела на его копошения. Он даже не счел нужным раздеться, а только лишь освободил свой эрегированный член и силой раскинул ей ноги, направляя его к цели. Пара коротких поцелуев досталось ее груди, как прелюдия к основному акту, и потом она не удержалась, вскрикнула от боли, когда он с силой вошел в нее в сухую. Все закончилось очень быстро, и уже через несколько минут Милана молча глотала слезы унижения в ванной. Редко, очень редко Олег позволял себе подобное, когда находился в изрядном подпитии, как сегодня. В такие моменты он не заботился о ее чувствах, а стремился удовлетворить себя любимого. И каждый раз Милана чувствовала себя обиженной, даже униженной. А потом долго еще приходила в себя, хороня воспоминания поглубже.

Когда Милана вернулась в гостиную, Олега там уже не было. Она даже проверять не стала, точно зная, что он уже видит десятый сон в их общей кровати. Ей же предстояло избавиться от нежелания засыпать рядом с ним.

Сбылась мечта идиотки, и остаток вечера Милана провела перед телевизором, потягивая вино из бокала и вкушая воздушный торт. У нее почти получилось отвлечься за просмотром модной комедии. Правда спина нещадно болела после бурного секса на полу возле камина.

Работу свою Милана любила всей душой. Ей нравилось играть со словами, менять их местами для достижения наибольшей емкости слогана. Все, что касалось наружной рекламы, она фиксировала машинально, отмечая удачные формулировки и анализируя неудачные. У нее всегда под рукой имелся блокнот, в который она записывала мысли на разные темы – типа афоризмов, осеняющих внезапно. В этот же блокнот она заносила другие рекламные слоганы, увиденные на улице, в метро, по телевизору... Она четко следовала правилу – реклама должна быть простая и бить в сердцевину, указывать на главное в рекламируемом товаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/volgina_nadezhda/kogda-razmer-imeet-znachenie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)